

О безнадёжности, или Боратынский

Александр Николаевич ПРИВАЛОВ,
кандидат экономических наук, научный редактор журнала «Эксперт»

В одном давнем романе умный учитель объясняет, почему выбрал для школьной команды название «Троянцы»: «Мальчишки всегда болели за "троянцев", потому что в книге их победили. Мальчишки, они ведь такой народ»

Сушая правда. Настоящие мальчишки всегда будут болеть за того, кто мужественно бился, но проиграл; поэтому русским юнцам (и юницам, разумеется), если они вообще читают стихи, невозможно не откликнуться на стихи Боратынского: за ними ощутим тихий, яростный — и проигранный бой. Когда он начинал печататься, в моде были элегии — он и сам прослыл виднейшим элегистом, — но в его стихах и в ту пору не было слюнявых «элегических куку», вскоре ставших годными только для пародии. В них — ну, в лучших из них — всегда была точная, додуманная до конца мысль, и мысль эта чем дальше, тем чаще оказывалась мрачной.

Обычно цитируют пушкинские слова о нём: «Он у нас оригинален, ибо мыслит». (Не надо воспринимать это *bon mot* как обличение русской бездумности, ибо дальше следует: «Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо».) Это не дежурная похвала — это и вообще не совсем похвала; это, скорее, характеристика

Пушкин, «умнейший муж России», однажды пенял в письме другу, тоже никак не дураку, что какие-то стихи того *слишком умны*, тогда как «поэзия, прости Господи, должна быть глуповата». Сказано с явной усмешкой, но сказано же! Боратынский оригинален не тем, что мыслит чаще — или сильнее — или вообще каким-то образом лучше того же Пушкина, — а тем, что мыслит *иначе*. У нашего героя, по удачному словцу князя Вяземского, «ум раздробительный», то есть аналитический, и останавливать его на полдороге наш герой ещё до тридцати вконец разучивается, чем и довершает обступавший его измлада трагизм. В одной из поздних вещей он так и говорит: художник, влекомый к творчеству внешними, «чувственными» обстоятельствами, может быть, или, точнее, бывать счастливым,

«Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная».

Опостылевший термин «лишние люди» когда-то не с ветру взялся; наш герой, собственно, и был хрестоматийным лишним человеком — с двумя лишь поправками. Во-первых, он явился несколько раньше своих литературных собратьев: к выходу из печати даже первой главы «Онегина» Боратынский уже был сложившимся человеком и поэтом. Во-вторых, он был много лучше последовавших за ним персонажей. Уже Онегин был очень со всячинкой, Печорин — просто законченный негодяй, нашему же герою нечего поставить в вину: примерный семьянин, верный друг и, главное, не бездельник — много работающий и блюдущий литературные приличия автор. Но во всём прочем — лишний человек, будто из учебника. Он пишет Киреевскому, что хотел бы и для себя «просвещённого фанатизма», наблюдаемого им в «новой поэзии» (Гюго, Барбье), но взять его негде: «Поэзия индивидуальная одна для нас естественна. Эгоизм (тогда это значило «эгоцентризм». — **А. П.**) — наше законное божество, ибо мы свергнули старые кумиры и ещё не уверовали в новое. Человеку, не находящему ничего вне себя для обожания, должно углубиться в себе. Вот покамест наше назначение». А «углубясь в себе», свирепый его ум раз за разом, от чего бы ни начинал, докапывался до отчаяния — раз за разом умудряясь высказать ещё что-то, что высказать было нельзя.

Боратынский написал всего сотни две стихотворений, из них если не половина, то треть шедевров — что само по себе дивно. Составителям книг очень немногих, даже и более плодovitых, поэтов так легко собрать коллекцию сплошных бриллиантов. Но и в этой россыпи, как мне всегда казалось, бросается в глаза запредельно простое восьмистишие под названием «Безнадёжность»:

Желанье счастья в меня вдохнули боги,
Я требовал его от неба и земли
И вслед за призраком, манящим издали,
Жизнь перешел до полдороги,
Но прихотям судьбы я боле не служу:

Счастливым отдыхом, на счастье похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу —
И скромно кланяюсь прохожим.

Почти через столетие едва ли не дословно то же самое скажет и другой поэт: «И, наконец, увидишь ты,

«Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на полжизни не хватило»...

Впрочем, продолжение там совсем вразрез с нашим героем:

«...Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
Что всё уж не моё, а наше,
И с миром утвердилась связь»,

— но тут, боюсь, произошла выдача желаемого за действительное, что очень скоро Блоку и продемонстрировали. Боратынский же в такие заблуждения не впадал — и вправду смотрел «на поприще» всё больше со стороны. Его последнюю и лучшую книгу «Сумерки» критика встретила дурно (особенно резко и беспощадно обхамил её, естественно, Белинский), что радости поэту тоже не прибавило.

Но и Боратынский под конец жизни каким-то таинственным образом вырвался из своего трагического тупика. Они с женой поехали за границу; полгода жили в Париже, где поэт перезнакомился со всем цветом тамошней литературы, со многими живущими там земляками; потом двинулись на юг. Его настроения стали заметно меняться к лучшему — то ли потому, что парижские русские приняли его с неожиданным для него восторгом, то ли просто от давно забытого ощущения включённости в общественную жизнь. Перед Новым годом он писал московскому другу: «Поздравляю вас с тем, что мы в самом деле моложе 12-ю днями других народов и посему переживём их, может быть, 12-ю столетиями». Так вот, за это время наш герой успел что-то неимоверно для себя важное понять — и упомянул в новых стихах о самом факте озарения:

«Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов
Прежде, чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!»

Боратынский успел ещё приехать на пароходе из Марселя в Неаполь, написать только что цитированное стихотворение «Пироскаф» и отправить его для напечатания в «Современник». А потом вдруг умер — и ни о том, какие проклятые вопросы он перед смертью разрешил, ни о том, как именно он их разрешил, никто уже никогда не узнал.

Так иначе ведь и случиться не могло.

Сегодня, 2 марта 2015 г., Боратынскому 215 лет.